

Лето в уезде Сюй было капризным, точно малое дитя: только что сияло солнце и ветер разносил аромат цветов на сотни ли, как вдруг невесть откуда набежали свинцовые тучи, и горный порыв завыл с яростной силой.

Вскинув взгляд на мятущийся небосвод, Цао Ан присел перед братом.

— А-Пи, забирайся на спину, я снесу тебя вниз. Похоже, вот-вот хлынет ливень, нужно спешить.

Зная, что старший брат печется о его раненой ноге, Цао Пи не стал спорить. Он послушно обхватил шею Цао Аня, прижавшись к нему всем телом.

— Все, брат, можешь вставать.

— Держись крепче.

Цао Ан подхватил брата под колени, уверенно выпрямился и быстрым шагом направился к подножию.

Прижавшись щекой к его плечу, Цао Пи внезапно ощутил странную тоску. Он долго всматривался в профиль брата, и это чувство лишь крепло, сжимая сердце. Цао Ан, чутко уловив перемену в его дыхании, спросил, не отрывая взгляда от каменистой тропы:

— О чем ты опять задумался, А-Пи? Принял такой вид, будто оплакиваешь ушедшую весну.

— Ты ведь даже не видишь моего лица, откуда тебе знать? К тому же сейчас лето.

Цао Ан чуть сжал пальцы, заставив брата вздрогнуть.

— Я чувствую, как колотится твое сердце, — полушутя ответил он.

Цао Пи слегка отстранился, удивленно глядя в затылок брату.

— Какая нелепость, — пробормотал он и снова приник к его спине.

У подножия их ждал конь. Цао Ан помог брату взобраться в седло и тут же запрыгнул следом.

— Нам нужно скорее вернуться в город. Если поедешь сам, рана на ноге может открыться от скачки. Держись! И-и-иха!

Рыжий скакун заржал и рванул с места, вздымая копытами пыль. Влажный предгрозовый ветер бил Цао Пи в лицо, но ему было покойно и тепло в объятиях брата, так что он сам не заметил, как задремал.

У самых ворот уезда Сюй дождь начал накрапывать редкими каплями. Цао Ан внезапно натянул поводья. Цао Пи качнулся вперед и открыл глаза, непонимающе глядя на брата.

— Почему мы встали? Начинается ливень.

— А-Пи, — Цао Ан склонился к самому его уху, — подожди меня здесь, у ворот. Хорошо?

— Но зачем?

— Мне нужно съездить за каретой. Если отец и остальные вернутся раньше меня, скажи им вот что...

Цао Ан долго шептал ему наставления, а закончив, пристально заглянул в глаза:

— Запомнил?

— Да, я все понял.

Спустив брата на землю, Цао Ан еще раз обернулся:

— А-Пи, обязательно стой прямо под дождем. Не забудь.

— Хорошо. Возвращайся скорее.

Цао Ан пришпорил коня и скрылся из виду. Опустевшие улицы и редкие прохожие лишь подчеркивали одиночество маленького Цао Пи. Он стоял у ворот — хрупкая фигурка с недетской решимостью во взгляде, в котором, однако, нет-нет да и проскальзывал страх.

Дождь припустил сильнее, тяжелые капли больно хлестали по коже. Цао Пи ждал. Прохожие исчезли, он остался один, промокший до нитки. Ни отца, ни брата не было видно. В огромном мире остался лишь серый шум ливня.

Обида, которую он долго таил в глубине души, рвалась наружу. Слезы смешивались с дождем, стекая по щекам беззвучно и незаметно для всех. В семье Цао положение второго сына всегда было шатким: ему не доставалось ни почета, который окружал первенца, ни нежной заботы, которой баловали младших. Все, что у него было — это его собственная жизнь, да и та, казалось, не принадлежала ему в полной мере. Рано повзрослев, Цао Пи дал себе зарок: он

станет великим мастером слова и клинка, добьется уважения и силы. Сдержанность и суровая рассудительность стали его броней. Даже сейчас, плача, он сохранял безупречную осанку и гордый вид. Он убеждал себя, что это не слезы, а просто вода, попавшая в глаза.

Когда рана на ноге заныла от холода, на дороге наконец показалась кавалькада Цао Цао. В ту же минуту, словно по расчету, у ворот появилась карета, управляемая Цао Анем.

Цао Цао, заметив двух сыновей под проливным дождем, придержал коня и удивленно взглянул на них:

— Цзысю, что вы здесь делаете?

Цао Ан сошел с козел и почтительно поклонился:

— Мы с А-Пи вернулись раньше и увидели, что погода портится. Подумав, что отец и младшие братья еще в лесу, мы не нашли себе места от тревоги. Я взял карету, чтобы встретить вас. Прошу, отец, брат Чжи, брат Чжан — скорее садитесь внутрь.

Цао Цао удовлетворенно кивнул и подхватил на руки маленького Цао Чжи.

— Идемте.

Устроившись в карете, Цао Цао укутал Чжи теплым одеялом и вдруг заметил второго сына, сидевшего в углу, точно мокрый воробышек.

— Пи-эр, в карете ведь были зонты. Почему ты в таком виде?

Цао Пи взглянул на него, и голос его, севший от холода, прозвучал искренне:

— Отец, я думал так же, как и старший брат. Мы не смели греться в покое, зная, что вы с братьями мокнете под дождем. Потому я ждал вашего возвращения здесь.

Цао Ан мягко добавил:

— Отец, А-Пи просто скромничает. Я просил его ехать домой, но он наотрез отказался, настаивая на том, что будет ждать вас под ливнем.

Цао Цао, тронутый такой преданностью, негромко произнес:

— Не думал я, что сын мой в столь юные годы так глубоко постигнет суть сыновней почтительности и братской любви. Мое сердце полно отрады.

Цао Пи лишь слабо улыбнулся и склонился, изображая смущение. И только Цао Ан знал, какая горечь и какая тонкая игра скрывались за этим жестом.

— Цзысю, когда вернемся, вели слугам приготовить имбирный отвар. Позаботься о брате.

— Слушаюсь, отец.

Глядя на Цао Чжи и Цао Чжана, которые уже дремали, привалившись к отцу, Цао Ан осторожно потянул Цао Пи к себе и положил его голову себе на колени. Пи покорно прижался к его одежде. Вскоре Цао Ан почувствовал, как одежда на груди намокает от горячих слез. Это тепло обожгло его сердце, уже начавшее черстветь в бесконечных походах. Он мерно поглаживал брата по спине, стараясь унять его боль.

Дождь за окном стих, сменившись унылой капелью, от которой становилось еще тяжелее на душе.

Вечер опустился на поместье Цао. Цао Пи молча вымылся и переоделся. Его лицо, как обычно, не выражало ничего. Приведя себя в порядок, он тихими шагами вошел в главную залу и, увидев брата за столом, негромко произнес:

— Старший брат.

Цао Ан достал из корзины чашу с дымящимся имбирным отваром и сладости. Он ласково взъерошил еще влажные волосы брата.

— Сердишься?

Цао Пи медленно покачал головой.

— Нет. Я только не понимаю... Брат, зачем ты оставил меня одного у ворот? Дождь сегодня был очень холодным. — Из-за простуды его голос стал совсем сиплым.

Цао Ан глубоко вздохнул, поднося ложку с отваром брату. Он смотрел на этого ребенка, чья покорность причиняла ему почти физическую боль, и не знал, что ответить. Лишь когда чаша опустела, он тихо спросил:

— А-Пи, ты когда-нибудь думал о том, чтобы унаследовать дело отца? Стать его преемником?

Ответ последовал мгновенно:

— Никогда.

Цао Ан отставил чашу и принялся меланхолично постукивать пальцами по столу.

— Даже если однажды наш род станет править всей Поднебесной?

Цао Пи вздрогнул от этих слов, граничащих с крамолой.

— Не думал. Я знаю, что мир в огне, империя Хань клонится к закату, а отец — герой, способный покорить срединные земли. Но я учусь и упражняюсь в воинском искусстве не ради власти. Я просто... просто... — Он замялся, и тень печали вновь промелькнула во взгляде. — В любом случае, наследником должен стать ты, брат. Я не смею даже помышлять об этом.

Цао Ан вздохнул и убрал прядь волос с его лба.

— А если я скажу, что хочу этого? Чтобы ты стал наследником.

Цао Пи ошеломленно уставился на брата. Поняв, что зашел слишком далеко, Цао Ан кашлянул и продолжил серьезнее:

— Если я не смогу занять место отца... я хочу, чтобы это сделал ты.

— Но почему? Отец всегда выделял тебя.

Цао Ан с тревогой коснулся яшмовой подвески на поясе.

— Именно поэтому я и боюсь. С малых лет я на войне и знаю: сталь беспощадна, а человеческая жизнь дешевле сорной травы. Как старший сын, я обязан быть в первых рядах, подставлять грудь под стрелы. Смерть на поле боя для меня — реальность, а мирные годы — лишь зыбкая мечта. Недавно отец обсуждал со мной планы. Мао Цзе предложил «Почитать Сына Неба, чтобы приказывать непокорным вассалам». Отец принял этот совет. Скоро мы отправимся в Лоян за императором. Но мы не одни такие умные — за этот приз разгорится кровавая сеча. Если я паду, а ты не наберешь силы и веса... кто защитит тебя?

Цао Ан говорил жестко, глядя на брата. В эпоху смут любовь часто принимала такие уродливые, жестокие формы.

Цао Пи отвел взгляд.

— Значит... ты нарочно подстроил все это сегодня? Чтобы отец заметил меня? Боишься, что некому будет обо мне позаботиться?

— Лишь отчасти. Я хочу, чтобы ты сам научился постоять за себя. Только став тем, кто выше всех, ты обретешь истинную свободу и безопасность. Помнишь вид с Малой Шоуян? Был ли он велик?

— Велик.

— Нет, — отрезал Цао Ан. — Это лишь тень величия. Истинный простор откроется тебе только тогда, когда ты взойдешь на самую вершину власти.

Цао Пи стало не по себе от речей брата. Он инстинктивно схватил Цао Аня за руку — его ладонь была маленькой, мягкой и совсем детской.

— Брат, зачем ты говоришь такие опасные вещи?

Цао Ан печально улыбнулся, глядя на его пальцы.

— Но ты ведь и сам уже все понял, не так ли?

Цао Пи замер, а затем тихо спросил:

— Но почему я? Почему ты выбрал именно меня?

<http://bllate.org/book/17368/1692459>